

№ 19

АВГУСТЪ

1908.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

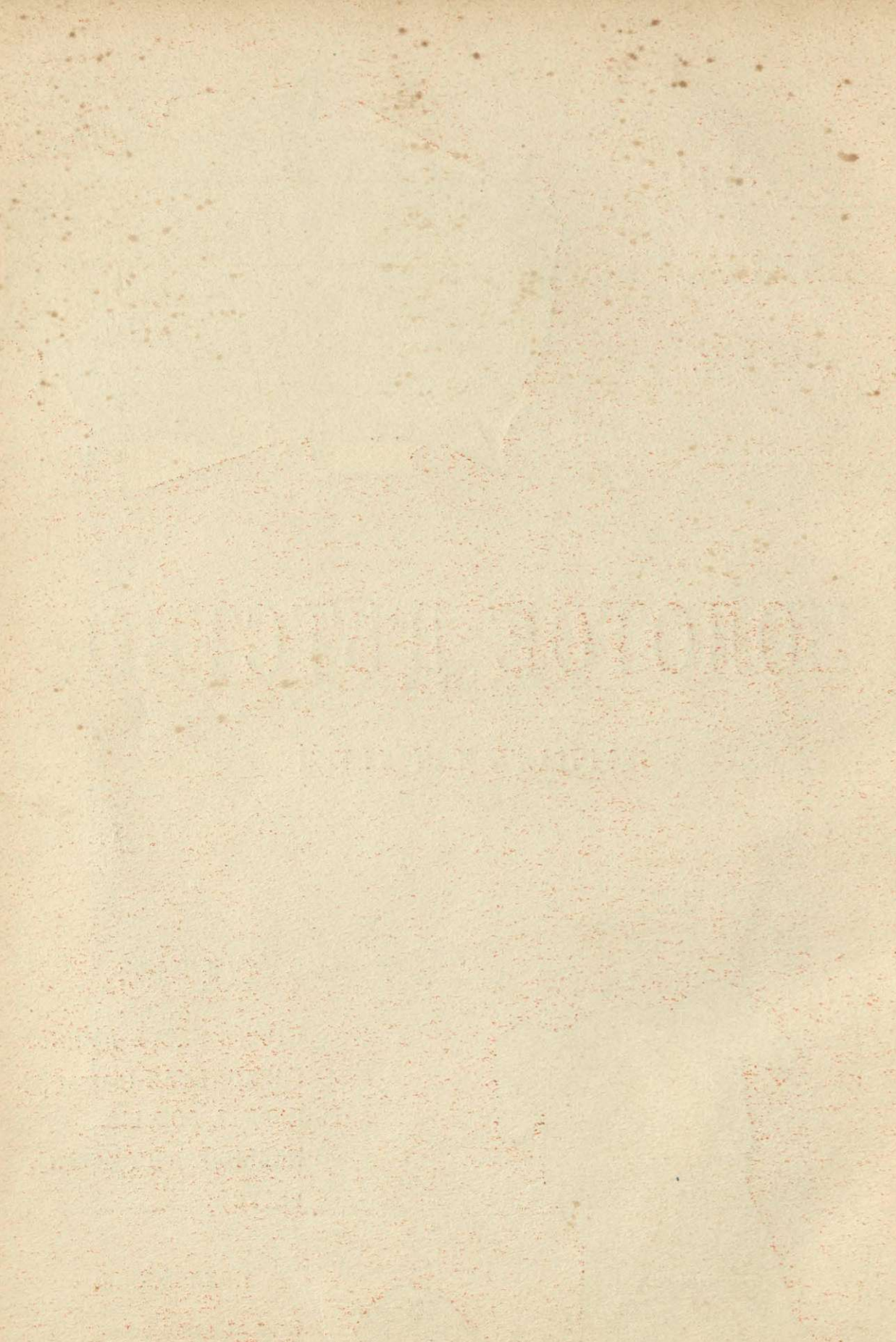
СОДЕРЖАНИЕ:

ОТЧЕГО ИДЕТЬ ДОЖДЬ?
ГЛУХОНѢМАЯ (разсказъ).
ПЕРЕДЪ ОСЕНЬЮ.
ПОДКИДЫШЪ (повѣсть).
РЕБУСЪ.

ПРИЛОЖЕНИЕ:

Игра въ автомобили.

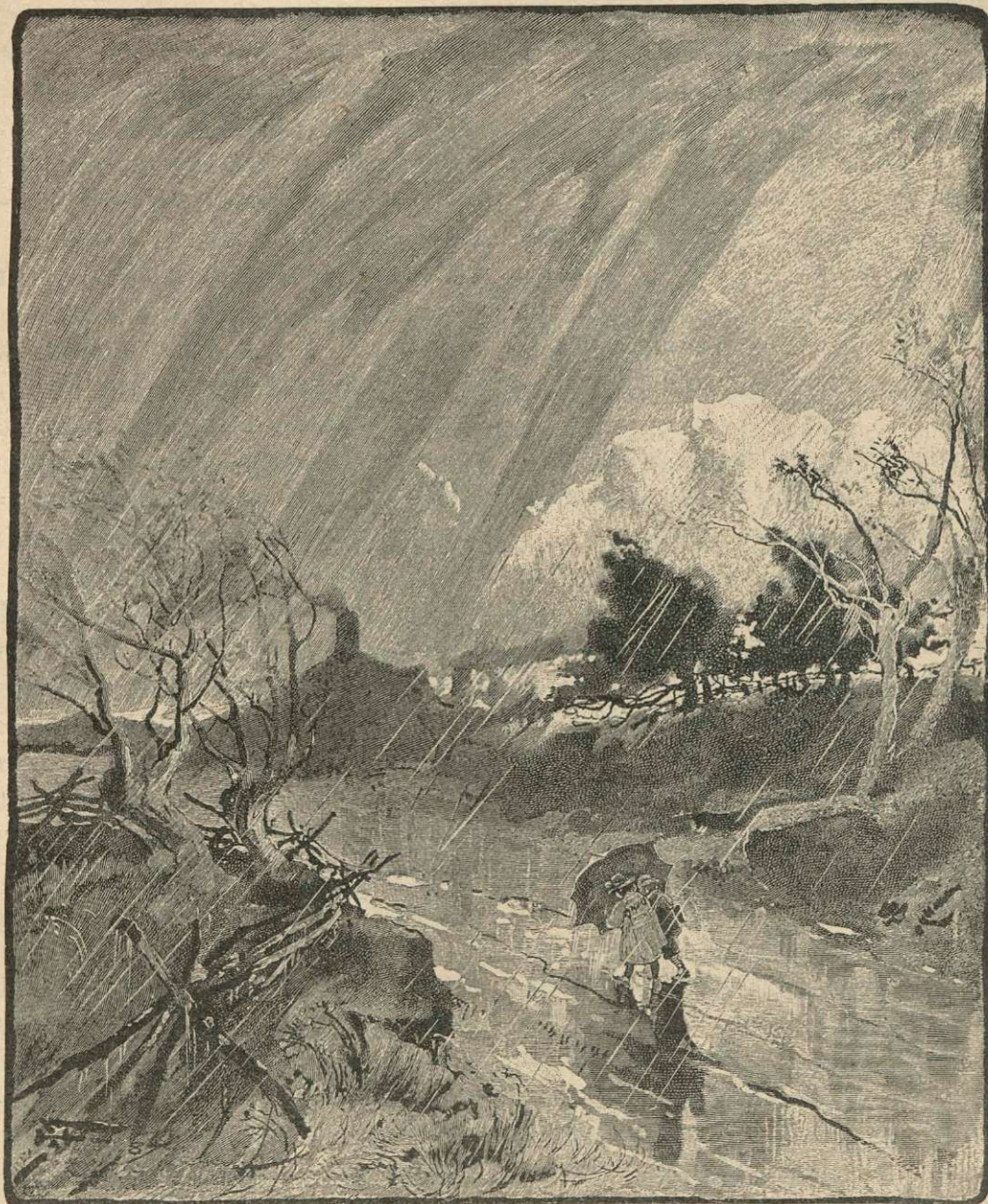

Два раза въ мѣсяцъ.

№ 19. Августъ. 1908.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Дождь идетъ.

ОТЧЕГО ИДЕТЬ ДОЖДЬ?

Какъ часто въ дождливые дни дѣти задають себѣ вопросъ: отчего это идетъ дождь? А когда они обращаются съ этимъ вопросомъ къ старшимъ, то тѣ, кто можетъ объяснить, не имѣють для этого свободнаго времени, а тѣ, кто имѣетъ время, не имѣють этого объяснить.

— Папа, отчего это идетъ дождь? спрашиваютъ дѣти.

— Некогда, некогда, дѣти, отвѣчаетъ имъ отецъ.—Когда-нибудь послѣ, въ праздникъ! Когда я буду свободенъ!..

И папа спѣшитъ скорѣе на службу.

— Няня, отчего это идетъ дождь? обращаются дѣти къ нянѣ.

— И-и! отвѣчаетъ имъ няня.—Откуда мнѣ это знать? Идетъ себѣ и идетъ! Вотъ какъ у меня ноги заболѣютъ, то, значитъ, и пойдетъ!

Поэтому давайте скорѣе рѣшать вопросъ, почему-же именно идетъ дождь? И когда онъ идетъ, то почему онъ идетъ не сразу на весь земной шаръ, а только въ нѣкоторыхъ его мѣстахъ?

Несомнѣнно, вы часто видѣли обложной дождь, когда все небо бываетъ сплошь покрыто сѣрыми, однотонными тучами, изъ которыхъ дождь сѣетъ, точно изъ сита, и проникаетъ чуть не до самыхъ костей. Кажется, тучамъ въ такіе дни нѣтъ конца—краю. Приходило-ли вамъ при этомъ въ голову, что все-таки эти тучи

гдѣ-то кончаются и что тамъ, гдѣ они кончаются, свѣтитъ солнце и весело улыбается вся природа? А между тѣмъ дѣйствительно, стоитъ только пролетѣть, какъ птица, верстъ двѣсти или триста и дождя какъ не бывало. Тамъ свѣтитъ солнце и носится по дорогамъ пыль. Отчего-же это бываетъ? А вотъ слушайте.

Предположимъ, что мы внесли изъ погреба въ комнату стаканъ холодной воды. На дворѣ жаркое лѣто. Мы поставили этотъ стаканъ съ водою въ столовой на столъ. Какъ-бынибыль при этомъ вытергъ сухо стаканъ снаружи, мы тотчасъ-же замѣтимъ, что онъ начнетъ покрываться влагой, которая сначала будетъ похожа на дымку, потомъ на потъ, а затѣмъ этотъ потъ начнетъ даже стекать каплями со стѣнокъ стакана прямо на столъ. Откуда-же получились эти капли воды? Нельзя-же предположить, что вода просочилась сквозь стѣнки стакана: это невозможно. Остается только одно: капли воды осѣли на холодный стаканъ прямо изъ воздуха. Мы не видимъ ихъ въ воздухѣ, потому что онѣ тамъ носятся въ видѣ тонкаго, незамѣтнаго пара, но какъ только мы внесли въ комнату холодный стаканъ, такъ паръ тотчасъ-же и осѣлъ на его стѣнкахъ въ видѣ капель воды. Какимъ-же образомъ этотъ паръ попалъ въ воздухъ?— Вотъ какимъ.

Замѣтили-ли вы, что послѣ дождя, едва только засіяетъ солнце, всѣ лужи вдругъ начинаютъ высыхать, и деревья и трава тоже начинаютъ дѣлаться сухими? Или если вы оставите чернильницу открытой, то чернила въ ней будутъ становиться все меньше и меньше и наконецъ получатся не чернила, а какая-то гуща? Куда дѣвалась вода изъ лужъ и съ травы? Куда исчезли чернила?

— Высохли! отвѣтите вы.

— Совершенно вѣрно. А что значить «высохли»? задамъ я вамъ вопросъ.

Конечно, вы не отвѣтите. «Высохли»—значить то, что вода съ нихъ испарилась, т. е. обратилась въ тонкій, невидимый паръ и исчезла. Точно такъ-же въ паръ обращается и вода въ самоварѣ и супъ въ кастрюлѣ на плитѣ, но тамъ паръ виденъ, потому что испареніе происходитъ быстро, сразу, при высыханіи-же лужъ и чернилъ паръ изъ нихъ выдѣляется такъ медленно, что мы его невидимъ. И только тогда паръ изъ лужъ становится видимымъ, когда воздухъ, окружающій лужу, гораздо холоднѣе, чѣмъ сама лужа. Если вы живете при рѣкѣ, то вѣроятно вы замѣтили, что днемъ, когда въ воздухѣ тепло, пара отъ рѣки не видно вовсе, а едва только наступитъ вечеръ, какъ надъ поверхностью воды начинаетъ подниматься туманъ.

Итакъ, все жидкое на землѣ испаряется и испареніе происходитъ постоянно, не прекращаясь ни на одну

секунду, но только бываетъ видимымъ или невидимымъ, судя по тому, тепло-ли въ воздухѣ или холодно и происходитъ-ли испареніе сразу или постепенно. И если-бы высыхающая вода не возвращалась къ намъ обратно въ видѣ дождя, снѣга или росы, то всѣ рѣки, озера и даже океаны высохли-бы совершенно и на землѣ не осталось-бы ни одной капли воды. Всѣ деревья и травы тогда перестали-бы расти и на всемъ земномъ шарѣ была-бы сплошная пустыня Сахара.

Понявъ, какимъ образомъ вода обращается въ невидимый паръ, давайте сообразимъ теперь, какъ и почему она превращается потомъ обратно въ воду и падаетъ на землю уже въ видѣ дождя, снѣга или росы.

Есть законъ природы, по которому воздухъ можетъ содержать въ себѣ пара лишь столько, сколько можетъ его вмѣстить, не больше и не меньше, подобно тому, какъ резиновый красный шарикъ, который летаетъ по воздуху, можетъ содержать въ себѣ воздуха только столько, сколько вмѣщаютъ его оболочки, иначе шарикъ лопнетъ. При этомъ теплый воздухъ содержитъ въ себѣ невидимаго пара больше, чѣмъ прохладный, а прохладный больше, чѣмъ холодный. Итакъ, лужа начинаетъ сохнуть; съ нея поднимается невидимый паръ; пока этотъ паръ проходитъ черезъ теплый воздухъ—его не видно, но стѣбитъ только ему подняться на такую высоту, гдѣ воздухъ холоднѣе, какъ онъ становится уже видимымъ, т. е. превра-

щается въ облако, а стѣбитъ только облаку попасть въ еще болѣе холодное мѣсто; какъ оно превращается уже въ капли, которыя и падаютъ обратно на землю въ видѣ дождя или снѣга.

Но дождь бываетъ маленькій и большой. Бываютъ такіе дожди, что смываютъ цѣлыя деревни и затопляютъ цѣлые города, а бываетъ и такъ, что упадутъ двѣ-три капли и конецъ. Почему-же именно дождь падаетъ такъ неравномѣрно? И почему есть на землѣ такія мѣста, гдѣ дождь идетъ почти не переставая, и такія, гдѣ его не бываетъ никогда, какъ напр., въ пустынѣ Сахарѣ?

Это зависитъ отъ вѣтра. Если вѣтеръ дуетъ съ теплой стороны, или вообще бываетъ теплымъ, то онъ содержитъ въ себѣ гораздо болѣе невидимаго пара, чѣмъ если-бы онъ былъ холоднымъ. Попадая въ болѣе холодныя мѣста, чѣмъ онъ самъ, онъ тотчасъ-же превращаетъ свой невидимый паръ въ видимый и вдругъ появляются тучи. Къ этимъ тучамъ прибавляется еще тотъ паръ, который находился въ воздухѣ еще до появленія теплаго вѣтра, и получается такая масса пара, что ему некуда бываетъ дѣваться и онъ потоками начинаетъ литься на землю въ видѣ проливного дождя. Вотъ почему ливни бываютъ только лѣтомъ, когда бываютъ теплые вѣтры. Если-же вѣтеръ дуетъ съ холодной стороны, или-же самъ бываетъ холоднымъ, то, попадая въ теплую страну, онъ на-

чинаетъ согрѣваться, и вмѣсто того, чтобы отдать свою влагу землѣ, наоборотъ беретъ ея-же влагу въ себя и улетаетъ съ нею вмѣстѣ въ другія страны. Вотъ почему въ Сахарѣ всегда сухо, потому что въ нее попадаютъ одни только холодные вѣтры, дующіе съ сѣвера. Точно такъ же и у насъ: если вѣтры дуютъ съ холодной стороны, то нечего ожидать дождя, а если вѣтеръ подуетъ съ теплой, то навѣрняка ожидайте ливня.

А, быть можетъ, вы хотите знать, что такое роса и иней? Это тоже легко объясняется, такъ какъ мы знаемъ теперь, что такое паръ.

Какъ только заходитъ солнце и наступаетъ вечеръ, такъ тотчасъ-же начинаетъ быстро охлаждаться земля.—Почему? Потому что ее перестаетъ согрѣвать солнце. Вслѣдъ за землю начинаетъ охлаждаться и тотъ воздухъ, который соприкасается съ ней; охлаждаясь, онъ обращается въ капли пота, точь-въ-точь, какъ это мы видѣли на стаканѣ съ водой. Этотъ потъ осѣдаетъ на травѣ и появляется то, что мы называемъ «росой». А если за ночь вдругъ сдѣлается тамъ холодно, что наступитъ морозъ, то роса эта замерзаетъ и обращается въ снѣгъ. Такимъ образомъ получается «иней». Такой иней бываетъ иногда и лѣтомъ, особенно весною, и тогда онъ носитъ названіе «утренника». Утренники никогда не бываютъ въ пасмурную погоду, потому что слой облаковъ служить

землѣ какъ-бы колпакомъ, который мѣшаетъ ей быстро охладиться и подъ которымъ никогда земля не охладится до такой степени, чтобы роса превратилась въ снѣгъ. Слѣдовательно, утренники бываютъ только въ ясную погоду. Замѣйте себѣ это, и какъ только увидите вечеромъ, что небо ясно, а въ воздухѣ стало сразу такъ прохладно, что приходится даже надѣвать пальто, то бѣгите скорѣе въ огородъ и укрывайте тамъ огурцы, фасоль и тыквы, такъ какъ эти растенія утренника не выносятъ и могутъ погибнуть въ одну ночь и даже за одинъ только часъ.

А знаете вы, почему въ жаркихъ странахъ жара переносится легче, чѣмъ въ холодныхъ? Это тоже происходитъ отъ испаренія воды. У насъ на сѣверѣ вообще не важный климатъ, но стоитъ только завернуть теплымъ днямъ, какъ мы начинаемъ уже изнемогать отъ жары и не знаемъ, гдѣ найти себѣ прохлады.

— Ой, жарко, говоримъ мы.—Просто нѣтъ силъ переносить такую жару! Дайте поскорѣе квасу или мороженаго!

А между тѣмъ въ теплыхъ странахъ, гдѣ жара не въ примѣръ сильнѣе нашей, люди ходятъ вовсе не жалуюсь такъ, какъ мы, а въ Италиі, на примѣръ, даже въ самое жаркое лѣто всѣ ходятъ въ сукнѣ и въ теплыхъ шляпахъ. Чѣмъ-же это объяснить?

Очень просто. У насъ на сѣверѣ

воздухъ сырой, насыщенный парами, а въ теплыхъ странахъ онъ сухой.

— Что-же изъ этого? спросите вы.

А вотъ что. Обмокните руку въ воду и предоставьте ей высыхать самой, не вытирайте ее полотенцемъ. Что вы почувствуете при этомъ? По мѣрѣ того, какъ вода начнетъ испаряться, т. е. высыхать, рукѣ вашей будетъ становиться все холоднѣе и холоднѣе. Однимъ словомъ рука ваша начнетъ охлаждаться. Отсюда слѣдуетъ, что, испаряясь, вода отнимаетъ отъ вашей руки часть ея теплоты. Вотъ почему вамъ и кажется, что рукѣ стало прохладно. И если-бы вода на вашей рукѣ высохла сразу, въ одинъ моментъ, то рука ваша почувствовала-бы даже такой холодъ, какъ въ морозъ. Теперь не угодно-ли вамъ отправиться въ теплыя страны? Ваше тѣло тамъ начнетъ испарять изъ себя влагу, а такъ какъ въ теплыхъ сухихъ мѣстахъ испареніе происходитъ быстрѣе, чѣмъ въ мѣстностяхъ сырыхъ, то ясное дѣло, что въ теплыхъ странахъ вамъ будетъ казаться прохладнѣе въ жару, чѣмъ въ сырыхъ. Вотъ почему, едва только наступаетъ лѣто, какъ у насъ уже всѣ одѣваются въ бѣлые кителя и легкія платья, тогда какъ въ Италию или въ Испанію, гдѣ климатъ много жарче, чѣмъ у насъ въ Россіи, но зато и много суше, чѣмъ подъ Петербургомъ, почти всѣ жители даже въ іюльскія жары ходятъ въ сукнѣ.

С. Вершининъ.

ГЛУХОНѢМАЯ.

(Продолженіе).

Шли рабочіе въ сосѣдній виноградникъ. Увидавъ лежавшаго на травѣ нищаго съ дѣвочкой на рукахъ, и обоихъ безъ чувствъ, они подумали сначала, что это усталые путники легли отдохнуть и спать. Но такъ какъ трава принадлежала Джемсу, который долженъ былъ ее косить, то они сочли, что путники мнутъ чужую траву, и стали ихъ будить.

— Эй, прохожій! толкнулъ одинъ рабочій нищаго въ плечо.—Это трава чужая! Не годится ее мять! Потрудись-ка, братецъ, сойти!

Но нищій не пробуждался.

— Что за диковина! подумалъ рабочій и нагнулся надъ нищимъ.

— Да онъ, братцы, не дышитъ! воскликнулъ онъ.—Онъ померъ!

— Не можетъ быть?!

— Да вотъ посмотрите сами! Даже весь окостенѣлъ!

Другіе рабочіе кинулись къ нищему. Онъ дѣйствительно не дышалъ. Крѣпко прижавъ къ себѣ Летти, онъ такъ и умеръ, не выпуская ее изъ рукъ.

— Должно-быть, это его дочь! говорили одни.—Вишь, какъ онъ ее держитъ!

— Бѣдный! вздыхали другіе.—Царство ему небесное!..

— Ну, а дѣвочка-то, дѣвочка какъ? Тоже померла?

— Нѣтъ, дышитъ! Вотъ она уже открыла глаза!

— Стой, братцы, не мните траву! А то дядюшка Джемсъ будетъ обижаться!

— Погодите, дайте я возьму ребенка!

— Нѣтъ, нѣтъ, пусть встанетъ сама!

Дѣйствительно, въ это время Летти очнулась и мутными глазами обвела всѣхъ рабочихъ. Отъ голода и отъ усталости она не понимала ничего и ничего не могла сообразить.

— Дѣвочка, ты чья? спросили ее.

Она открыла ротъ и какимъ-то не своимъ, измѣнившимся ей, голосомъ сказала:

— Му-му!

— Что? Что ты говоришь?

— Му-му! повторила Летти.

— Что-то бормочетъ непонятное... развелъ руками рабочій.—Глазами глядитъ, а видимости въ ней никакой нѣтъ!

— Да развѣ ты не видишь, что она еще не очухалась? крикнули на него другіе.—Къ доктору ее!

— Къ доктору! Къ доктору! слышались голоса.—Къ самому доктору Твисту!

Докторъ Твистъ былъ знаменитый докторъ. Онъ имѣлъ богатую усадьбу около этой деревни, съ большимъ

домомъ, похожимъ на дворецъ, и съ садомъ, въ которомъ росли рѣдкія деревья и цвѣты. Докторъ былъ женатъ уже давно, но всѣ дѣти у него поумирали и остался только одинъ грудной ребенокъ, слабенькій и хилый, надъ которымъ онъ и его жена никакъ не могли надышаться. Всѣ лучшія игрушки, какія только были въ свѣтѣ, были ими куплены для этого ребенка, но онъ въ нихъ ничего не понималъ и не игралъ ими, а только съ аппетитомъ сосалъ себѣ кулачокъ. Для него была нанята няня, еще молодая женщина, учившаяся въ какой-то школѣ уходу за дѣтьми и очень любившая читать.

«Это хорошо, что няня грамотная», думала г-жа Твистъ.— «Когда нашъ Томикъ подрастетъ, она будетъ ему читать».

А няня въ свою очередь думала:—

«Это хорошо, что у моихъ хозяевъ много газетъ и журналовъ. По крайней мѣрѣ, сидя около ребенка, можно отъ скуки почитать!»

Доктора не было дома, когда въ саду виллы вдругъ раздались голоса рабочихъ. Няня въ это время читала газету, а докторша вышивала гладью у себя въ будуарѣ. Выглянувъ въ окошко, няня увидала цѣлую толпу, въ которой одинъ изъ рабочихъ держалъ на рукахъ дѣвочку, блѣдную, какъ смерть, съ опущенной, какъ у убитой птички, головкой.

— Доктора! доктора! шумѣла толпа.

Няня бросилась къ своей хозяйкѣ.

— Барыня! воскликнула она. —

Тамъ какую-то мертвую дѣвочку принесли!

Докторша была одною изъ тѣхъ рѣдкихъ, хорошихъ женщинъ, которыя даже въ роскошной жизни не забываютъ о другихъ. Она тотчасъ же вскочила съ мѣста и бросилась на встрѣчу къ рабочимъ.

— Въ чемъ дѣло? спросила она ихъ.

— Намъ доктора, доктора! закричали рабочіе.

— Доктора нѣтъ дома, отвѣтила докторша,—онъ пріѣдетъ только завтра утромъ.

— Какъ-же намъ быть? У насъ умираетъ дѣвочка! Отецъ ея уже умеръ!

— Гдѣ эта дѣвочка?

— Вотъ она! Джонатанъ, выходи впередъ!

Джонатанъ вышелъ впередъ и протянулъ Летти къ докторшѣ.

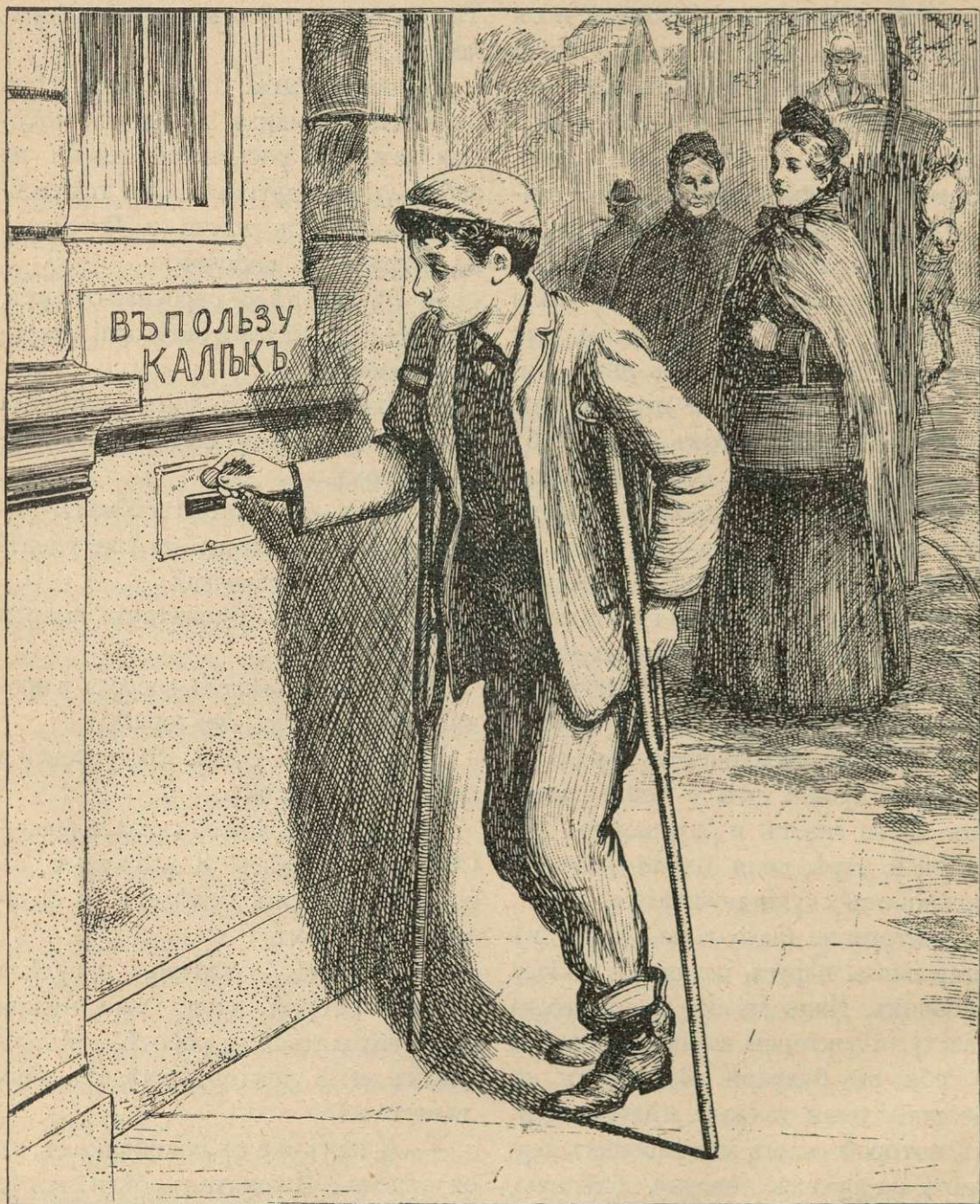
Г-жа Твистъ сошла со ступеней и осмотрѣла дѣвочку.

— Она еще жива, сказала она.— Оставьте ее здѣсь! Я уложу ее въ постель, а мужъ пріѣдетъ и оглядитъ ее потомъ.

— Отлично, отлично, загудѣла толпа, которой давно уже нужно было находиться на работѣ.—Мы оставимъ ее, а докторъ пріѣдетъ и оглядитъ ее!

— А какъ-же съ покойникомъ, съ ея отцомъ? Джонатанъ, бѣги скорѣе въ полицію, предупреди тамъ полицейскихъ, а мы принесемъ тѣло прямо туда!

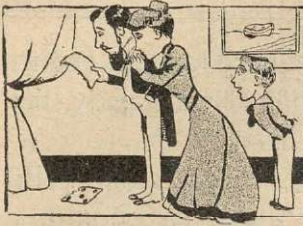
— Да скажите Джемсу, что траву помяли не зря, а по необходимости!

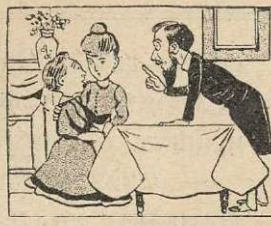
«Въ пользу калѣкъ».

— Ладно, ладно! Идите ужъ скорѣ!
И толпа повернула назадъ и скоро
голоса ея совершенности хли за садомъ.
Докторша взяла Летти на руки и

внесла ее къ себѣ въ спальную. Здѣсь
стояли двѣ роскошныя постели и
маленькая колыбель съ кружевнымъ
пологомъ и съ розовыми атласными

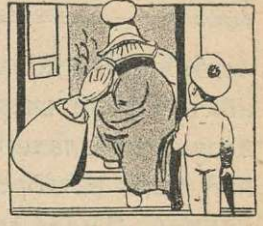
1. Тетя прислала письмо, в котором приглашала к себе не шали, сказал папа,— и наставлений, — на дачу погостить маленького Жоржика.

2. — Смотри-же Жоржик, —

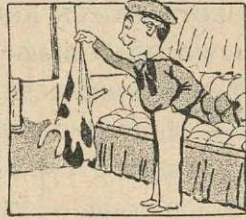
3. Мама дала несколько наставлений, —

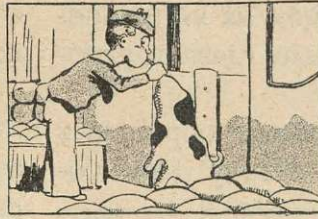
4. и Жоржик с няней отправились к тетё.

5. По пути, в вагонё, Жоржик стал придумывать кармана резиновую кошальость.

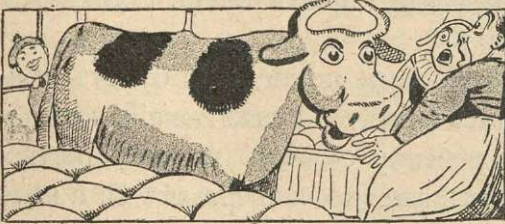
6. Онъ вытащилъ изъ кармана резиновую корову и —

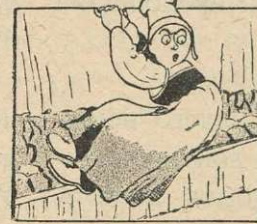
7. незамётно отъ няни сталъ ее надувать.

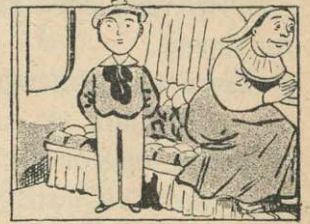
8. Корова все росла и росла.

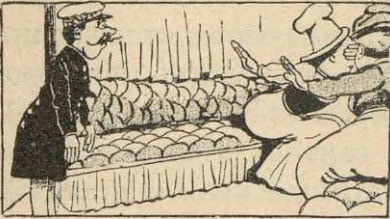
9. — и наконецъ заняла собою чуть не все купэ в вагонё.

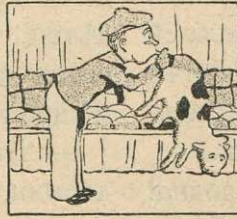
10. Няня испугалась и стала звонить кь кондуктору.

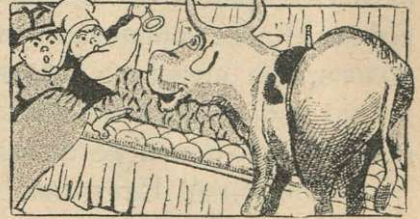
11. А Жоржикъ выпустилъ изъ коровы духъ и спрягалъ ее въ карманъ.

12. — Явившийся кондукторъ не увидаль въ вагонё ничего и ушелъ обратнo.

13. Тогда Жоржикъ опять надулъ свою корову.

14. Увидевъ привидённые снова, няня пришла въ такой ужасъ, что рёшила остановить поёздъ.

15. Тогда въ вагонё вошелъ кондукторъ —

16. и составилъ протоколъ о томъ, что няня производитъ скандалъ.

17. — Ахъ, душечка, жаловалась потёмъ няня, — какое мы видёли привидёние!

18. А Жоржикъ отъ удовольствия такъ и сиялъ.

лентами. Въ колыбели лежалъ ребенокъ. Послѣ вчерашней жары стало вдругъ прохладно и потому въ спальной были затворены окна и горѣлъ каминъ. Чтобы ребенку было потеплѣе, его колыбель придвинули поближе къ огню. Сильно пахло цвѣтами.

Почувствовавъ себя на мягкой постели, Летти открыла глаза и улыбнулась.

— Ты кто, моя милая? обратилась къ ней докторша.—Что у тебя болитъ?

Летти протянула къ ней руку и пошевелила пальцами.

— У тебя есть мама? продолжала докторша.

Летти не слышала.

— Странно, что она ничего не отвѣчаетъ, проговорила докторша. — Надо дать ей поѣсть; быть можетъ это она отъ слабости.

И она позвонила и приказала вошедшей горничной подать дѣвочкѣ поѣсть. Когда горничная принесла ей молока, два яичка и хлѣба, то Летти жадно набросилась на нихъ и стала глотать ихъ почти не жевавши.

— Боже мой! Какъ она голодна! всплеснула руками докторша.—Да не спиши такъ, дитя мое, вѣдь ты подавишься или заболѣешь!

Но Летти съѣла все и почти тотчасъ-же заснула.

Докторша укрыла ее одѣяломъ, посидѣла около нея, а потомъ взглянула на часы, взяла изъ колыбели своего ребенка и покормила и его. Ребенокъ поплакалъ немного и за-

снулъ тоже. Она переложила его въ колыбель и, подойдя къ зеркалу, поправила на себѣ волосы.

— Спать оба... сказала она.—Вы поглядите здѣсь, няня, за обоими, а я съѣзжу на полчаса къ знакомымъ. Если дѣвочка проснется, то дайте ей вотъ этихъ капель. Кажется, она не опасно больна!

Няня помялась.

— Напрасно вы, сударыня, внесли эту дѣвочку прямо въ вашу спальню, сказала она.—Кто ее знаетъ, изъ какихъ она? Еще, пожалуй, заразить вашего Томика какой-нибудь болѣзнию, тогда баринъ очень обижаться будетъ!

— Баринъ никогда не будетъ обижаться на то, отвѣтила г-жа Твистъ,— что ребенку оказано гостепріимство. У насъ умерло четверо дѣтей, а вѣдь въ спальню къ нимъ не вносили никого! И кто знаетъ, няня, быть можетъ оттого мы и потеряли нашихъ дѣтей, что очень часто сторонились всѣхъ этихъ бездомныхъ и безпомощныхъ горемыкъ?

— Какъ вамъ будетъ угодно, сударыня... отвѣтила няня и стала качать колыбель.

Г-жа Твистъ надѣла шляпу, тальму и перчатки, поцѣловала тихонько Летти въ лобъ, потомъ Томика и направилась къ выходу.

— Простите, сударыня, остановила ее няня,—не мое дѣло вмѣшиваться въ ваши поступки, но вы поцѣловали сейчасъ вашего Томика послѣ этой дѣвочки. Развѣ вы не знаете, что

этимъ вы можете заразить своего ребенка отъ этой нищенки и погубить его совсѣмъ? Я такъ о немъ забочусь...

Г-жа Твистъ поглядѣла на нее, покачала головой и сказала:—

— Надо быть доброй, няня... Люди гибнуть не отъ доброты и поцѣлуевъ, а отъ зла и равнодушія!

И она вышла изъ спальни.

Няня придвинула колыбельку поближе къ камину, усѣлась спиною къ огню и отъ нечего дѣлать стала читать газету.

Не прошло и двадцати минутъ, какъ во дворъ вошли странствующіе итальянцы и заиграли на мандолинахъ. Услышавъ музыку, няня бросила газету на полъ и, убѣдившись, что дѣти спятъ, побѣжала на дворъ, гдѣ уже собралась вся прислуга виллы и слушала музыку.

Тѣмъ временемъ изъ камина выскочилъ уголекъ и упалъ прямо на газету. Газета затлѣлась, а потомъ и вспыхнула. Отъ нея огонь перешелъ на колыбель и вся колыбель запылала, какъ факель.

У глухихъ всегда очень хорошее обоняніе, какъ и у слѣпыхъ всегда очень хорошее осязаніе. Заслышавъ запахъ дыма, Летти проснулась и, увидавъ колыбель въ огнѣ, сперва не поняла въ чемъ дѣло. А затѣмъ быстро сообразивъ весь ужасъ положенія, она вскочила съ кровати, отшвырнула отъ себя одѣяло и бросилась къ двери.

— Му-му! Му-му! закричала она.— Ба-ба! Му-му!

Но на дворѣ играли итальянцы и никто ее не слышалъ. Тогда она закрыла руками лицо, бросилась къ колыбели, и просунувъ голову въ самое пламя, перегнулась черезъ ея край, и, не помня какъ, вытащила изъ нея ребенка. Волоса на ней вспыхнули и сгорѣли, кофточка затлѣлась, а рукава сгорѣли до плечъ.

И когда возвратившаяся домой г-жа Твистъ вбѣжала къ себѣ въ спальню, то она увидала Лети на полу съ обожженными руками и лицомъ, державшую невредимаго ребенка, и по обгорѣвшей колыбели и массѣ дыма, наполнившаго комнату, поняла въ чемъ дѣло.

— Томикъ! крикнула она.— Дитя мое!

И, бросившись къ Летти, она прижала ее къ сердцу и стала покрывать ее обожженное личико поцѣлуями.

— Милая! Милая! шептала она.— Спасибо тебѣ! Я никогда не забуду этого твоего постука! Ты спасла ему жизнь!

А Летти въ это время лежала на полу, стонала отъ боли, звала по своему къ себѣ мать и только повторяла:

— Му-му! Му-му!

Г-жа Твистъ посмотрѣла на нее, взглянула ей въ глаза и только теперь поняла, что та была глухонѣмая.

— Бѣдняжка... промолвила она.— Бѣдное, бѣдное, несчастное дитя!

Поздно вечеромъ неожиданно возвратился докторъ. Когда онъ во-

шелъ къ себѣ въ спальную, то на своей кровати увидѣлъ незнакомую дѣвочку, у которой были обвязаны руки и все лицо которой было покрыто ватой, пропитанной масломъ.

— Что это? спросилъ онъ жену.

Г-жа Твистъ рассказала ему все, какъ было.

Онъ подошелъ къ дѣвочкѣ, которая не спала отъ боли и все звала къ себѣ мать, и нѣжно ее обнялъ и поцѣловалъ. Затѣмъ онъ принялся ее лечить. А она мужественно переносила свою боль и только тихо, по-прежнему, говорила:

— Му-му!

Докторъ прорѣзалъ ей пузыри на рукахъ и на лбу, выпустилъ изъ нихъ воду, присыпалъ какимъ-то порошкомъ, наложилъ повязки и далъ ей выпить капель. Она успокоилась и заснула.

— Какое счастье, обратился докторъ къ женѣ, что въ это время здѣсь была эта дѣвочка!

— Да, отвѣтила г-жа Твистъ.— Самъ Богъ послалъ намъ ее!

— За это я опредѣлю ее въ самый лучший пріютъ...

Г-жа Твистъ подошла къ мужу и взяла его за руку.

— Она спасла жизнь нашему мальчику, Никъ, сказала она,—и ты хочешь за это отдать ее въ пріютъ. Не лучше-ли будетъ пріютить ее у насъ и, въ благодарность за ея поступокъ, считать ее нашей дочерью? Я уже сказала тебѣ, что Самъ Богъ по-

слалъ намъ ее сюда, зачѣмъ-же мы будемъ идти противъ воли Бога?

Докторъ крѣпко пожалъ руку женѣ.

— Ты права, Фреда! сказалъ онъ.— Будь же этой дѣвочкѣ второй матерью!

И съ этой минуты Летти навсегда поселилась въ виллѣ.

Но никто не зналъ, кто она, естли у нея мать и даже какъ ее зовутъ. Звали ее просто «дитя мое», или «милая моя», но она все равно не слыхала ничего и ничего не могла сообщить о себѣ. Такъ она и продолжала жить въ виллѣ незнакомкой и никто бы такъ и не узналъ о ней ничего, если бы не случилось вдругъ событія, которое едва не повлекло за собой тяжелыхъ послѣдствій.

Летти быстро поправлялась, сидѣла уже на кровати и играла съ маленькимъ Томомъ, который весело смѣялся на всѣ ея штуки. Для Томика было совершенно безразлично, умѣла-ли Летти говорить или нѣтъ, для него важно было только то, чтобы понимали именно его, а Летти его понимала, и во всемъ мірѣ не было болѣе дружной компании, какъ онъ и его глухонѣмая подруга. Какъ вдругъ подъ окнами раздался какой-то странный шумъ, что-то подѣхало, загудѣло, затрещало и смолкло.

Г-жа Твистъ бросилась къ окошку. Это былъ автомобиль.

Вслѣдъ затѣмъ въ комнату вошелъ ея мужъ и, веселый, съ раскраснѣв-

шимися отъ быстрой ѣзды щеками, прямо отъ двери крикнулъ своей супругѣ:

— Ну, Фреда, теперь ты можешь кататься, сколько угодно. Я купилъ тебѣ автомобиль!

Вся дворня высыпала на улицу, окружила автомобиль со всѣхъ сторонъ и стала его разглядывать, широко раскрывъ рты; вынесли и Тома съ Летти и раза два прокатили ихъ передъ домомъ. Затѣмъ автомобиль ввели во дворъ и поставили въ каретный сарай.

— Вотъ погоди, обратился докторъ къ своей женѣ,—какъ только поправится дѣвочка совсѣмъ, такъ я васъ всѣхъ прокачу въ городъ покататься.

— Да умѣешь-ли ты автомобилемъ управлять? спросила его г-жа Твистъ.

— Какънибудь съумѣю, отвѣтилъ докторъ.—Дѣло не хитрое! Не боги дѣлаютъ кирпичи, а простые люди.

Но вотъ Летти выздоровѣла совсѣмъ. Докторъ снялъ съ нея повязки и позволилъ ей выходить въ садъ и бѣгать по дорожкамъ, а самъ съ утра и до вечера сталъ проводить время около автомобиля, изучая его механизмъ. Въ назначенный день онъ зарядилъ его бензиномъ, привелъ его въ порядокъ, съ шикомъ выѣхалъ на немъ со двора и подкатилъ къ парадному крыльцу.

— Пожалуйста! крикнулъ онъ своимъ домашнимъ.—Экипажъ поданъ.

— А не лучше-ли подождать, когда къ намъ явится механикъ? спро-

сила его жена черезъ окно.—Вѣдь мы ждемъ его со дня на день!

— Ничего! отвѣтилъ ей докторъ.— Я и самъ съумѣю справиться. Дѣло не хитрое!

Всѣ вышли изъ дому и стали усаживаться въ автомобиль. Г-жа Твистъ сѣла рядомъ съ няней, на рукахъ у которой былъ въ широкополой шляпѣ Томъ, а рядомъ съ докторомъ помѣстилась Летти.

— Готово? спросилъ докторъ.

— Готово! отвѣтила г-жа Твистъ.

Докторъ потянулъ за какую-то штучку, взялся за колесо и автомобиль плавно покатился по шоссе. Сначала тихо, онъ все развивалъ и развивалъ свой бѣгъ, пока наконецъ не полетѣлъ съ невѣроятной быстротой, отъ которой у Летти стало холодѣть подъ сердцемъ. Широкополая шляпа Томика сорвалась у него съ головы и повисла на резинкѣ, а страусовыя перья на шляпѣ у докторши развивались точно отъ вихря.

— Осторожнѣе, Никъ! сказала г-жа Твистъ. Мы уже въѣзжаемъ въ городъ. Здѣсь уже много людей.

— Ничего, отвѣтилъ докторъ.— Не задавимъ!

И только что онъ это сказалъ, какъ черезъ дорогу стала переходить какая-то женщина съ корзинкой въ рукахъ. Лицо ея было печально и блѣдно и по тому, какъ она низко опустила голову на грудь, видно было, что мысли ея были гдѣ-то далеко и что она была несчастна. Она шла прямо подъ автомобиль.

— Назадъ! Назадъ! закричали ей.—
Берегись!

— Берегись! закричалъ ей и докторъ и сталь часто гудѣть въ гудокъ.

Но она не слышала никого и ничего и продолжала переходить черезъ дорогу.

Докторъ спохватился, сталь тянуть за какой-то рычагъ, но не за тотъ, и въ торопяхъ ничего не могъ подѣлать. Онъ съ ужасомъ видѣлъ, что еще моментъ или два и его автомобиль проѣдетъ черезъ эту женщину и можетъ быть задавить ее на смерть.

— Съ дороги! Съ дороги! кричалъ онъ.—Берегись!

Но автомобиль шель слишкомъ скоро, а женщина слишкомъ занята была своими мыслями и когда затѣмъ автомобиль остановился и изъ него въ страхъ и волненіи выскочили самъ докторъ, его жена, няня и Летти, то женщина лежала уже на землѣ, ея корзина отскочила отъ нея на нѣсколько аршинъ и изъ нея вѣромъ высыпалось бѣлье и покатилося вдоль улицы по вѣтру.

— Что съ вами? бросился къ ней докторъ.— Не ранены-ли вы?

Но въ это время произошло нѣчто такое, чего не можетъ описать это слабое перо.

Вмѣсто отвѣта женщина бросилась къ Летти, схватила ее въ объятія и стала кричать:—

— Летти, Летти! Дорогая моя дочь! Наконецъ-то ты нашлась!

А Летти бросилась къ матери на шею, цѣловала ее въ щеки, въ глаза, въ губы, въ шею. Слезы текли у нея по щекамъ и смѣшивались со слезами матери и она чувствовала, что радость подступила ей къ горлу, мѣшаетъ ей ласкать свою мать, и только повторяла:—

— Му-Му! Мама! Мама! Му-му!

Затѣмъ обѣ онѣ сѣли прямо на мостовую и стали громко плакать. Счастливая прачка то и дѣло хватала Летти за обѣ щеки ладонями, сжимала ихъ, такъ что изъ губъ дочери получался бантикъ, и цѣловала ихъ. А сбоку стояли докторъ и его жена и, глядя на нихъ, тоже вытирали себѣ слезы.

— Ну, что-же? Пора и по домамъ? сказалъ наконецъ докторъ, когда радость свиданія немного поулеглась.

— Да, сударь, отвѣтила ему прачка, которой Летти уже многое успѣла объяснить на пальцахъ.— Мы пойдемъ сейчасъ съ Летти домой. Но позвольте мнѣ сначала поблагодарить васъ за то, что вы спасли мою дочь!

И она хотѣла поцѣловать докторшѣ руку.

— Оставьте! строго сказала ей г-жа Твистъ.—Это мы должны благодарить васъ за вашу дочь! Если-бы не она, то мы на вѣки лишились-бы нашего сына!

И она горячо поцѣловала ее въ губы.

— Пойдемъ, Летти!... обратилась къ дочери прачка и что-то сказала ей

на пальцахъ. — Поблагодари этихъ господъ и примемся опять за работу!

— Погодите! сказалъ ей докторъ. — Я прошу васъ прежде сѣсть въ этотъ автомобиль. Мнѣ нужно вамъ кое-что передать!

Прачка и Летти нерѣшительно сѣли въ экипажъ. Докторша опять усѣлась рядомъ съ няней, докторъ потянулъ за рычагъ и экипажъ покатился обратно къ виллѣ.

— Куда мы ѣдемъ? спросила прачка, когда городъ уже остался позади.

— Къ себѣ домой! сказалъ ей докторъ. — Скоро вы будете дома!

— У меня нѣтъ дома, отвѣтила ему прачка. — Я едва имѣю средствъ, чтобы нанимать себѣ маленькій уголъ.

— Не безпокойтесь... продолжалъ докторъ. — Съ этого дня вы будете такъ-же богаты, какъ и мы. Вы навсегда поселитесь вмѣстѣ съ нами!

И онъ вопросительно поглядѣлъ на жену.

— Да, да! отвѣтила г-жа Твистъ. — Вы будете для насъ второй сестрою и будете жить вмѣстѣ съ нами. Мы не разстанемся съ вами никогда!

Прачка закрыла руками лицо и стала громко плакать.

А автомобиль летѣлъ, какъ стрѣла, и цѣлое облако пыли вырывалось изъ-подъ его колесъ и застилало собою видъ на городъ, гдѣ столько несчастій пришлось пережить маленькой глухонѣмой.

Ч.

ПЕРЕДЪ ОСЕНЬЮ.

Вчера кричали журавли
И на душѣ такъ грустно стало!..
Еще цвѣты не отцвѣли,
Еще и лѣта не бывало,
А лишь дожди всё шли, да шли,
И небо холодомъ дышало.

И вотъ теплу конецъ пришелъ!
Ужъ нѣтъ ни грома, ни зарницы...
Туманны небо, лѣсъ и доль
И собрались къ отлету птицы...
И только чижики, да щеголь,
Да развѣ юркія синицы

Въ деревнѣ будутъ зимовать...
И жалко, жалко покидать
И садъ, и лѣсъ, и птичекъ пѣнье,
Но ѣхать надо и опять
Насъ ждуть труды, насъ ждетъ ученье.

Кузнечикъ.

ПОДКИДЫШЪ.

Романъ **Мэргіе.**

(Продолженіе).

IV.

Тайна Аниты.

Подойдя къ воротамъ замка, Ноэль удивился, что ни Фредерикъ, ни Шарлотта не выбѣжали къ нему на встрѣчу съ радостными криками, что они дѣлали обыкновенно, когда онъ приходилъ.

Онъ вошелъ и увидѣлъ, что двери въ конюшню были отворены и около нихъ Жанъ чистилъ осла Бириби.

— Вѣроятно, Фредерикъ и Шарлотта куда-нибудь уѣхали? съ безпокойствомъ спросилъ Ноэль замѣтивъ, что не было ни лошадей, ни коляски.

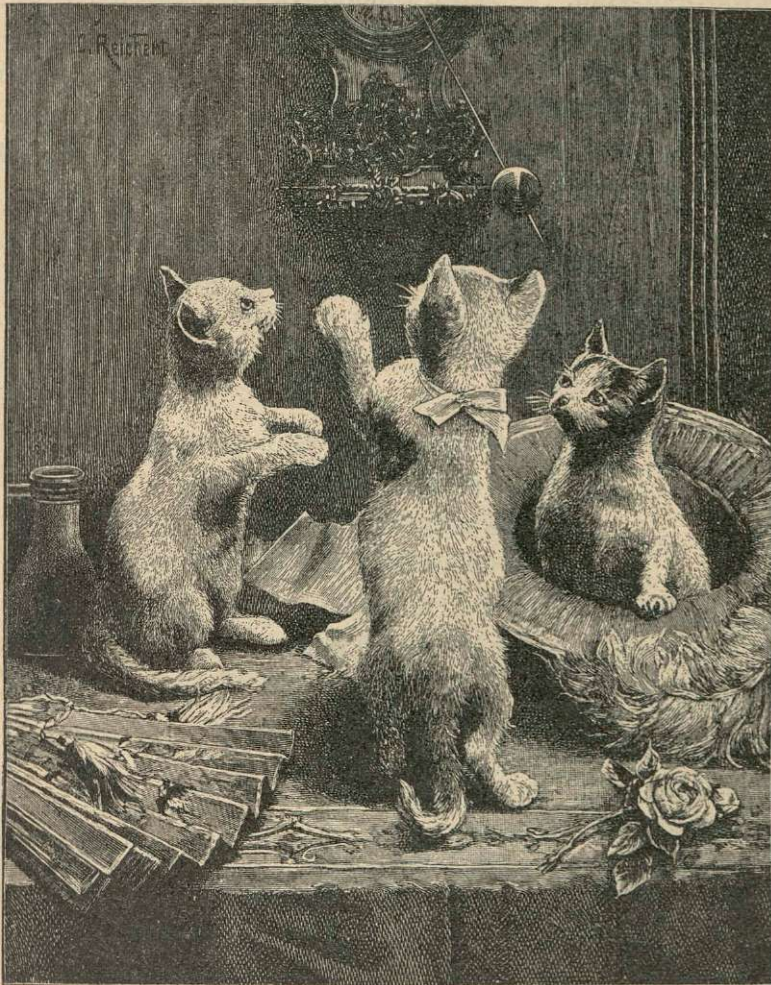
— Нѣтъ, отвѣтилъ кучеръ,— сегодня все и не поѣдутъ кататься...

— Почему? съ разочарованіемъ спросилъ Ноэль.

— Да потому, что г-жа Гертруда сегодня ночью заболѣла и садовникъ поѣхалъ за докторомъ. Да вотъ, кажется, и онъ... Я слышу бубенчики.

И дѣйствительно, это былъ докторъ Мартенъ изъ Ленеvena, спѣшившій къ больной.

Ноэль прошелъ прямо въ залу, гдѣ Шарлотта и Фредерикъ

Часовыхъ дѣлъ мастера.

разговаривали вполголоса, такъ какъ имъ строго было приказано не производить шума, чтобы не обезпокоить тетю.

Черезъ четверть часа докторъ собрался уходить. Г-жа Ледюкъ проводила его до самой калитки и по дорогѣ они о чемъ-то тихонько говорили. У калитки доктора ожидалъ все тотъ же экипажъ. Попрошавшись съ г-жею Ледюкъ, докторъ сѣлъ въ него, бичъ щелкнулъ и лошадь побѣжала во весь галопъ.

Возвращаясь обратно, г-жа Ледюкъ зашла въ залу.

— Что съ тетей Гертрудой? спросилъ ее Ноэль.

Г-жа Ледюкъ. Ей лучше, мой милый мальчикъ. Докторъ сказалъ, что ничего опаснаго нѣтъ, но запретилъ ей выходить изъ-дому цѣлые восемь дней. Такимъ образомъ вамъ придется, дорогіе мои, съ прогулками подождать... Постарайтесь развлекаться однимъ вашимъ Бириби... Кстати, онъ отъ бездѣлья сталъ жирѣть. Ему не мѣшало бы пробѣжаться лишній разокъ.

Шарлота. Ничего, мамочка, мы и такъ не будемъ скучать... Только бы не побезпокоить тетю Гертруду!..

Г-жа Ледюкъ [обнимая Шарлотту]. Ахъ, ты, умница!.. У тебя доброе сердце!

Фредерикъ. Я тоже, мама, буду играть въ паркѣ и дождусь, когда выздоровѣетъ тетя.

Бабушка и внучка.

Ноэль молчалъ, занятый своими мыслями.

Г-жа Ледюкъ. О чемъ ты такъ задумался, Ноэль? Тебѣ грустно, что не придется долго кататься въ экипажѣ?

Ноэль [вздрогнувъ отъ неожиданности вопроса]. Нѣтъ... я только...

Г-жа Ледюкъ. Ну, ну... Продолжай!..

Ноэль. Вы обѣщали сегодня...

Г-жа Ледюкъ. Идти съ вами?

Ноэль. Да...

Г-жа Ледюкъ. Правда, правда... А я совсѣмъ было и забыла о случаѣ съ дѣвочкой...

Ноэль. Анита насъ ожидаетъ...

Г-жа Ледюкъ. Анита? Это кто же такая?

Ноэль. Маленькая цыганка.

Г-жа Ледюкъ. Откуда же ты узналъ, что ее такъ зовутъ?

Ноэль. Она сама мнѣ сказала.

Г-жа Ледюкъ. Значитъ, ты разговаривалъ съ ней?

Ноэль. По дорогѣ сюда... Она такая жалкая, несчастная... Всѣ только и дѣлаютъ, что бросаютъ въ нее камни... Я обѣщалъ ей свою защиту.

Г-жа Ледюкъ. Это очень хорошо съ твоей стороны и дѣлаетъ тебѣ честь. Только предостерегаю тебя: не ходи къ ней часто. Вѣдь ты не знаешь, кто она, откуда, чѣмъ занимаются ея родители...

Ноэль. Они комедіанты.

Г-жа Ледюкъ. Я не хочу говорить, что они плохіе люди, но все-таки не дружи съ этой дѣвочкой. Богъ ее знаетъ, кто она такая! Во всякомъ случаѣ спасибо тебѣ, что ты мнѣ о ней напомнилъ. Вечеромъ Жанъ отнесетъ имъ денегъ.

Ноэль. Я могъ-бы самъ это сдѣлать.

Г-жа Ледюкъ [немного подумавъ]. Пожалуй... Это даже будетъ и лучше. Кромѣ тебя и ихъ никто не будетъ знать, что имъ оказана помощь... Ну, а теперь, ребятки—маршъ въ паркъ! Нечего сидѣть въ комнатахъ! Погода отличная—пользуйтесь ею, пока можно. А тѣмъ, временемъ Жанъ запряжетъ для васъ осла.

Пробило шесть часовъ.

Противъ обыкновенія, маленькая цыганочка уже не играла на дорогѣ. Сидя на камнѣ, она смотрѣла вдаль и о чемъ-то мечтала.

Скоро на горизонтѣ показался чей-то граціозный силуэтъ.

Это былъ Ноэль.

Она побѣжала къ нему на встрѣчу.

— А мы васъ ожидали! сказала она съ печалью въ голосѣ. — Мать Фемія такъ недовольна, что вы не пришли! Мы даже вычистили фургонъ и театр... Ты обѣщалъ, что придете, а вы и не пришли... Это не хорошо!

Ноэль. Сегодня ночью заболѣла тетя Гертруда. Былъ даже докторъ. Г-жа Ледюкъ не хочетъ оставлять ее одну. Дядя Томъ остался въ трактирѣ «Свиданіе друзей» и насъ некому было привести сюда. Но я кое-что вамъ принесъ...

Анита. Мать Фемія будетъ этому очень рада. Вчера вечеромъ выручили мало денегъ и меня побили бы, если бы ты не пришелъ.

Дѣвочка взяла Ноэля за руку и повела къ фургону.

Анита. Мать Фемія! Маленькій господинъ желаетъ тебя видѣть!

Услышавъ эти слова, изъ фургона тотчасъ же вышла старуха. Увидавъ Ноэля, она быстро сошла съ помоста, замѣнявшаго лѣстницу.

Старуха [подобострастно]. Ахъ, молодой господинъ... Вы вѣроятно изъ замка...

Ноэль. Да, я изъ замка... Я принесъ вамъ вотъ эти деньги...

И съ этими словами, онъ передалъ старухѣ кошелекъ. Она открыла его и заглянула: тамъ было положено 20 франковъ.

При видѣ денегъ старуха вскрикнула отъ удовольствія.

Старуха. Зачѣмъ было такъ беспокоиться, молодой господинъ? Скажите этой доброй дамѣ изъ замка, что я сама пришла-бы поблагодарить ее, да не на кого оставитъ нашъ фургонъ; къ тому-же наши средства такъ скудны, что положительно не во что одѣться и поневолѣ становишься похожей на кухарку... Только пусть она не беспокоится. Передъ отъѣздомъ, нашъ хозяинъ Антоніо сдѣлаетъ ей визитъ. Вѣдь у бѣдныхъ людей всѣ эти свѣтскія приличія не приняты... Вы живете въ трактирѣ «Свиданія друзей»?

Ноэль. Да, у тети Маріи-Жанны.. Она имъ завѣдуетъ!

Старуха. Хорошая женщина, Антоніо знаетъ вашъ домъ. Онъ часто бываетъ у васъ, чтобы погулять съ товарищами... Такъ, значить, бѣдная дама изъ замка больна?

Ноэль. Да, не серьезно впрочемъ... Докторъ велѣлъ ей недѣлю не выходить изъ комнаты.

Старуха. Хорошо еще, что есть кому за ней ухаживать; въ замкѣ такъ много прислуги...

Ноэль. О, нѣтъ... Прислуги не много! Всего только горничная, кухарка и кучеръ, который спитъ въ конюшнѣ.

Старуха. А большой у нихъ домъ?

Ноэль. Цѣлый дворецъ.

Старуха. А все-таки вы очень добрый мальчикъ, что такъ беспокоились о насъ. Передайте отъ насъ привѣтъ вашему дядѣ и попросите его привести васъ какънибудь вечеромъ къ намъ въ театръ... Антоніо вамъ предоставитъ хорошія мѣста... Начало въ восемь часовъ и конецъ въ десятомъ...

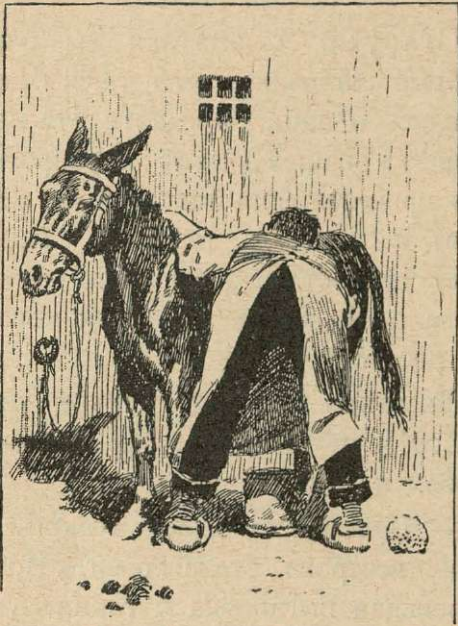
Съ этими словами старуха ушла къ себѣ въ фургонъ, предоставивъ Ноэля и Аниту самимъ себѣ.

— Приходи съ дядей Томомъ сегодня вечеромъ, стала просить Ноэля маленькая цыганочка и такимъ умоляющимъ голосомъ, что Ноэль не сдержался и общалъ.

*
* *

Счастье никогда не приходитъ одно. Кромѣ кошелька съ деньгами странствующіе комедіанты имѣли въ тотъ вечеръ еще и хорошій сборъ. Спектакль давалъ Антоніо и въ первомъ ряду, среди другихъ зрителей, сидѣли Томъ Керуэль и его племянникъ: мальчикъ сдержалъ свое слово.

Играли «Сиротку съ моста Богоматери», сокращенную и приновленную къ исполненію на открытой сценѣ самимъ Антоніо. Когда одѣтая въ лохмотья, на сцену выходила Ани-та и пѣла жалостнымъ голосомъ, чтобы разжалобить зрителей, то раздавались всеобщіе аплодисменты. Ноэль и Томъ восхищались ею больше всѣхъ.

Жанъ чистилъ осла Бириби.

По окончаніи спектакля Томъ Керуэль хотѣлъ лично сказать что-нибудь пріятное дѣвочкѣ, такъ искусно игравшей сиротку, но пришлось также благодарить и Антонію и старуху, которые играли свои отвратительныя роли такъ естественно, что публика даже дрожала. Было похоже на то, что, играя на сценѣ злодѣевъ, похищающихъ сиротку, они такъ хорошо были знакомы съ этимъ ремесломъ, точно и въ дѣйствительной жизни только и занимались тѣмъ, что воровали дѣтей.

Антонію принялъ похвалы такъ, точно получать ихъ для него было дѣло привычное, а старуха почтительно стала разсыпаться въ любезностяхъ.

— У насъ сегодня были зрителями такіе важные господа, сказала она,—

что мы не могли свести съ нихъ глазъ и всѣми силами старались угодить имъ. Приходите къ намъ еще разъ... Вы намъ приносите счастье... Не правда-ли, Антоніо?

Антоніо. Ты права, старуха. Надѣюсь, что теперь они будутъ чаще приходитъ къ намъ. Труденъ только первый шагъ. Услуга за услугу. Чѣмъ больше мы сыграемъ хорошихъ пьесъ въ ихъ присутствіи, тѣмъ больше отнесемъ денегъ въ ихъ-же трактиръ.

Старуха [съ упрекомъ]. Всегда ты одинъ и тотъ-же, Антоніо! Только одни трактиры у тебя и на умѣ!

Антоніо. А что-же такое? Развѣ это плохо? Впрочемъ, вы въ этомъ

Изъ фургона вышла старуха.

ничего не понимаете!.. Не правда-ли, г-нъ Керуэль?

Томъ не возражалъ своему себе-сѣднику.

Пока старшіе вели такой разговоръ, Анита и Ноэль отошли въ уголокъ фургона.

Анита. Ну, что, Ноэль, ты не раскаиваешься, что пришелъ къ намъ со своимъ дядей?

Ноэль. Нисколько! Я еще буду благодарить Антонию за наши мѣста.

Анита. Онъ оставитъ вамъ еще.

Ноэль. Спасибо и за это. Лучшаго не желаю. Ты сегодня отлично играла!

Анита. А я видѣла, какъ вы сидѣли въ первомъ ряду! Мнѣ было такъ пріятно, что не хотѣлось уходить со сцены!

Ноэль. Ты должно быть очень устаешь къ вечеру?

Анита. Да, случается... Только я никогда не говорю объ этомъ Феміи.

Ноэль. Она тебя побила-бы за это?

Анита. Да, съ вечера побила-бы, а на утро посадила-бы на хлѣбъ и на воду.

Ноэль. Брось этихъ злыхъ людей!

Вѣдь все равно у тебя нѣтъ ни отца, ни матери!

Анита. А что я буду ѣсть? Гдѣ буду спать?.. Да и какъ это сдѣлать? Вѣдь я еще такая маленькая, что не съумѣю заработать... А потомъ...

потомъ я комедіантка и меня никто за это не приметъ...

Ноэль. Хочешь, я поговорю о тебѣ съ тетей Маріей-Жанной? Она добрая и ты счастливо заживешь вмѣстѣ съ нами!

Анита[живо].Нѣтъ... Все равно изъ этого ничего не выйдетъ!.. Если Фемія узнаетъ, что я разговариваю о такихъ вещахъ, то она ужасно разсердится... Она вѣдь себя не помнитъ, когда злая... Она можетъ меня убить!

Ноэль [со страхомъ]. Неужели это правда?

Анита. Разъ она бросила меня объ землю и такъ сильно била потомъ палкой, что пошла кровь... На

что ужъ злой человѣкъ Антонию, а и онъ заступился за меня. Онъ выхватилъ у нея изъ рукъ палку и пригрозилъ Феміи, что кликнетъ жандармовъ.

Ноэль. Какой ужасъ!

— Не хотите-ли супу?

Анита. Говори не такъ громко...
Насъ могутъ услышать.

Антоніо [быстро поворачиваясь къ дѣтямъ]. Что вы тамъ затѣваете, дряни этакія?

Ноэль [очень серьезно]. Мнѣ хотѣлось узнать отъ Аниты, какъ это вы могли выучить наизусть все то, что говорили сегодня со сцены?

Антоніо [съ чувствомъ самодовольства]. Это дѣло привычки!

Томъ Керуэль [смотритъ на часы]. Ноэль! Пора уже спать! Должно быть, тетя очень беспокоится! Идемъ!

Антоніо [протягивая руку Керуэлю]. Въ такомъ случаѣ прощайте... До скорого свиданія!

Томъ Керуэль. До скорого свиданія! Желаю вамъ, Антоніо, всегда имѣть такіе-же отличные сборы, какой вы имѣли сегодня.

Антоніо. Въ нашемъ дѣлѣ день на день не походитъ, г. Керуэль... Но что будешь дѣлать? Какой-нибудь одинъ хорошій день сразу-же вознаграждаетъ за всѣ дурные.

*
* *

Все спокойно въ Ленеვენѣ и всѣ спятъ. Одни только Антоніо и старуха не спятъ. Запершись въ своемъ фургонѣ и усѣвшись за столикъ, они выпиваютъ и тихимъ голосомъ ведутъ разговоръ. За перегородкой на кучкѣ гнилой соломы дремлетъ Анита. Антоніо осматриваетъ дверь, хорошо-ли она заперта, но ребенокъ не спитъ, а только дѣлаетъ видъ, что спитъ.

Обыкновенно послѣ каждаго представленія старуха считаетъ вырученныя деньги и остается здѣсь недолго, потому что по большей части выручка бываетъ плохая. Считаетъ она ее и теперь.

Дѣвочка лежитъ почти у самой постели старухи. Но вотъ появляется въ фургонѣ Антоніо. О чемъ они хотятъ говорить? И почему именно они говорятъ теперь тихонько?

Анита, любопытная, какъ и всѣ другія дѣти, не можетъ сдержаться. Она приподнимается на цыпочки и припадаетъ ухомъ къ щелкѣ.

Вотъ что она слышитъ:

Антоніо. Сосчитаемъ снова: пятнадцать франковъ да десять франковъ—это будетъ 25 франковъ. Это нашъ самый лучший сборъ за все время, пока мы въ Ленеვენѣ.

Старуха. Прибавь сюда еще 20 франковъ, которые принесъ Ноэль.

Антоніо. Я задолжалъ ихъ въ трактирѣ «Свиданіе друзей».

Старуха. Не отдавай! Подождутъ! Томъ Керуэль и безъ того богатъ!

Антоніо. Я и самъ тоже думаю... Случилось такое дѣло, что бѣда...

Старуха. Что-же именно?

Антоніо. А вотъ сейчасъ узнаешь. Третьяго дня пришелъ ко мнѣ нашъ старшій актеръ Альфредъ и доложилъ отъ имени другихъ товарищей, что если я не заплачу имъ въ концѣ мѣсяца ихъ жалованья, то всѣ они уйдутъ отъ насъ и бросятъ насъ только вдвоемъ, если не считать

Аниту, т. е. тебя и меня. Вотъ тогда и давай интересныя представленія!

Старуха. Что-же ты намѣренъ дѣлать?

Антоніо. Мы рискуемъ остаться только вдвоемъ, поэтому необходимо во что бы то ни стало уплатить этимъ недовольнымъ ихъ жалованье...

Старуха. Какъ-же ты это сдѣлаешь?

Антоніо. Возму и уплачу.

Старуха. Чѣмъ?

Антоніо. Да ужъ кое-что придумалъ!

Старуха [съ опаской]. Говори тише, Антоніо, насъ могутъ услышать!

Антоніо [ухмыляясь]. Ты опасешься, значить, догадываешься, въ чемъ дѣло?

Старуха. Конечно, догадываюсь! Замокъ Фелье такъ плохо охраняется въ это время... Ты хочешь его обворовать...

При этихъ словахъ Анита такъ вздрогнула, что занавѣска, за которой она спала, заколебалась.

Антоніо [схватить револьверъ]. Насъ подслушиваютъ!

Старуха. Да молчи ты!.. Разбудишь ребенка! Развѣ не слышишь, какъ дуетъ вѣтеръ? Это онъ колыхаетъ занавѣску!.. Можно подумать, что всѣ нечистые духи слетѣлись на землю!

И точно въ подтвержденіе ея словъ, вдругъ загремѣлъ сердито громъ, такъ что задрожалъ весь фургонъ.

Антоніо. Да я предпочелъ-бы имѣть дѣло съ нечистыми духами лучше, чѣмъ съ людьми. Людей я

боюсь... Такъ ты говоришь, что замокъ охраняется плохо?

Старуха. Тамъ сейчасъ всего только двѣ женщины, да и то одна изъ нихъ больна. А кухарку и горничную нечего считать. Что-же касается кучера, то онъ спитъ всегда въ конюшнѣ... Ну, а дѣти... ихъ всегда можно заставить молчать!

Антоніо [съ злымъ смѣхомъ]. Ужъ не красть-ли и ихъ? Нѣтъ, ужъ благодарю покорно! Довольно съ меня и одной Аниты! Она и такъ виситъ у меня на шеѣ! Вотъ я брошу ее гдѣ-нибудь на большой дорогѣ и пусть себѣ издыхаетъ, какъ собака! Но отъ кого ты имѣешь свѣдѣнія о замкѣ? Кто тебѣ ихъ сообщилъ?

Старуха. Ноэль.

Антоніо. Вотъ драгоценный мальчикъ! Надо науськать Аниту, чтобы она побольше выпытывала отъ него! Кажется, она подружилась съ нимъ!

Старуха [испугавшись]. Ты хочешь и эту дѣвченку посвятить въ наши дѣла?

Антоніо. Это для чего? Чтобы она на насъ донесла и предала насъ въ руки полиціи? Благодарю покорно. Да я скорѣе убью ее!

И во второй разъ волненіе маленькой цыганочки было таково, что она должна была вѣспитаться въ перегородку, чтобы не упасть. Къ счастью, шумъ, который она этимъ произвела, не былъ слышанъ благодаря сильному удару грома.

Старуха. Какая буря!

Антоніо. Да, точно нечистые духи заиграли на своихъ инструментахъ.

Сейчасъ насъ перевернетъ вѣтромъ... Ну-съ, давай кончать. Деньги, которыхъ у насъ не достаетъ, мы украдемъ въ замкѣ Фелье... Съ завтрашняго-же дня я начну обшаривать тамъ всѣ ходы и выходы. Поводъ къ посѣщенію замка есть: я отправлюсь туда, чтобы поблагодарить г-жу Ледюкъ за ея щедрый подарокъ, и постараюсь тамъ понравиться, чтобы бывать тамъ почаще... А затѣмъ я украду то, что нужно.

Старуха. А наша труппа будетъ тебѣ помогать?

Антоніо. Достаточно съ меня и одного Альфреда. У нашихъ актрисъ слишкомъ длинные языки. Я не довѣряю этой нашей длинной палкѣ Виргиніи, которая вѣчно шушукается о чемъ-то съ Эрнестомъ и Матвѣемъ. Кромѣ того я вовсе не намѣренъ дѣлиться съ ними своей добычей. А теперь позволь мнѣ дать тебѣ одинъ добрый совѣтъ.

Старуха. Какой?

Антоніо. Не говори никому объ

этомъ моемъ секретѣ. Отъ этого зависятъ мой интересъ и твоя жизнь.

Старуха [вздрогнувъ]. Удивляюсь, какъ можетъ придти тебѣ въ голову такое подозрѣніе? Мы столько уже лѣтъ прожили вмѣстѣ и столько подлыхъ поступковъ совершили сообща, что едва-ли нужно подозрѣвать другъ друга. Можешь быть спокоенъ: я умѣю держать языкъ за зубами...

Она не могла продолжать дальше, такъ какъ раздавшійся третій ударъ грома привелъ въ такое содроганіе фургонъ, что оба заговорщика подумали сразу, что молнія упала прямо въ него.

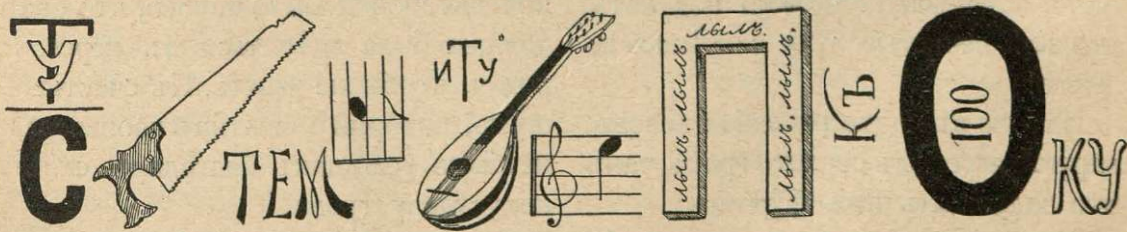
Въ испугѣ, съ страшнымъ крикомъ, Анита повалилась къ себѣ на солому.

— Ты будешь у меня дрыхать или нѣтъ? крикнулъ ей черезъ перегородку Антоніо, а старуха на цыпочкахъ отправилась къ себѣ спать, стараясь удержаться по пути на ногахъ отъ тѣхъ толчковъ, которымъ подвергался ихъ фургонъ отъ порывовъ вѣтра.

(Продолженіе будетъ).

РЕБУСЪ № 10.

(Фамилии подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ этотъ ребусъ, будутъ напечатаны).